

The concept of time as a factor of regulation of social behavior of an individual

S. A. Trifonova¹, O. N. Sakovskaya¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-138-147

Research article
Full text in Russian

The article considers the factor of time perception as a factor of social, cultural regulation and self-regulation of human behavior. The article describes the monochronic and polychronic perception of time, which affect cross-cultural communication and the formation of a monochronic and polychronic personality. Time is considered as a personal, existential category of a person's life. The definition of a situation that helps to perceive a certain period of time, while connecting the past and the present, the present and the future, is given. The results of the study of the perception of time as a factor of motivation and self-regulation of the individual at different ages are presented.

Keywords: the concept of time; polychronic and monochronic perception of time; life path; situation; self-regulation of the individual

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Trifonova, Svetlana A. | E-mail: sv-trif@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Sakovskaya, Olga N. | E-mail: orisona@gmail.com
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Представление о времени как фактор регуляции социального поведения личности

С. А. Трифонова¹, О. Н. Саковская¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-138-147
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается фактор восприятия времени как фактор социальной, культурной регуляции и саморегуляции поведения человека. Дается характеристика монохронного и полихронного восприятия времени, влияющего на межкультурную коммуникацию и формирование монохронной и полихронной личности. Время рассматривается как личная, экзистенциальная категория жизни человека. Дается определение ситуации, которая помогает воспринять определенный отрезок времени, соединяющий при этом прошлое и настоящее, настоящее и будущее. Приводятся результаты исследования восприятия времени как фактора мотивации и саморегуляции личности в разном возрасте.

Ключевые слова: представление о времени; полихронное и монохронное восприятие времени; жизненный путь; ситуация; саморегуляция личности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трифорова, Светлана Алексеевна	E-mail: sv-trif@mail.ru Кандидат психологических наук, доцент
Саковская, Ольга Николаевна	E-mail: orisona@gmail.com Кандидат психологических наук, доцент

Как природный организм, человек подчинен закономерностям биологического времени. Однако решающую роль в формировании отношения человека как личности ко времени принадлежит социальным детерминантам: структуре и содержанию времени человеческой истории и конкретного общества, времени социальных групп и слоев, в которые включена личность.

Описывая принципы исследования больших групп и, в частности, структуру психологии больших организованных групп, Г. М. Андреева отмечает, что, поскольку группы существуют на протяжении длительного периода

© Трифонова С. А., Саковская О. Н., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

времени, необходимо учитывать две характеристики времени: синхронию (анализ процессов, протекающих в одно и то же время) и диахронию (анализ процессов в их временной протяженности, т. к. «именно в этом сечении возможно проследить трансляцию признаков группы от поколения к поколению» [1, с. 149].

Индивидуальный жизненный опыт каждого человека пронизан историческими событиями, значимыми для всех людей, живущих в тот или иной период времени. Он соприкасается с опытом различных поколений при их непосредственном взаимодействии и вызывает определенный резонанс. «Сильная связь или зависимость друг от друга представителей разных поколений может делать их более жизнестойкими и, наоборот, уязвимыми, беспомощными, неспособными противостоять стрессу; может как усиливать, так и ослаблять индивидуальную систему ресурсов человека. С одной стороны, связь между поколениями необходима для нормального функционирования и развития общества, так как является важным социально-психологическим фактором его интеграции. С другой стороны, прогрессивное развитие общества невозможно без отказа или замены «старого» на «новое». Нередко необходимое «новое» (не имеет принципиального значения, в какой сфере) настолько существенно отличается от «прежнего», что происходит резкий разрыв между поколениями, что может привести к кризисным явлениям, как, например, это происходит в современной российской семье» [2]. В предисловии к своей знаменитой работе «Синдром предков» А. А. Шутценбергер, основатель нового направления в семейной психотерапии – психогенеалогии, методом которой является трансгенерационная психогенеалогическая контекстуальная терапия, пишет, что «мы продолжаем цепочку поколений и оплачиваем долги прошлого, и так до тех пор, пока “грифельная доска” не станет чистой. “Невидимая лояльность” независимо от нашего желания, независимо от нашего осознания подталкивает нас к повторению приятного опыта или травмирующих событий, или несправедливой и даже трагической смерти, или к ее отголоскам» [3, с. 11].

Каждой культуре присуща своя система использования времени, что чрезвычайно важно для кросс-культурной коммуникации. Так, например, мы строим наши коммерческие структуры на основе времени, соотношенного с ценностями: повременной оплатой, кредитом, процентным доходом, страховыми взносами. Американцы и европейцы уверены, что они приблизились к оптимальной модели отношения ко времени как линейному вектору, но многие культуры (например, страны с огромным экономическим потенциалом, такие как Китай, Япония) лишь в некоторой степени ведут себя, исходя из линейно ориентированного представления о времени, предпочитая представления о его цикличности. Индустриальная организация требует определенного уровня синхронизации планов

и целей, но отношение ко времени и к тому, как это время следует тратить, могут оставаться глубоко различными [4].

В теории высоко- и низкоконтекстуальных культур Э. Холла (1983), в зависимости от способа использования времени, культуры делятся на два противоположных вида: монохронные и полихронные. По сути, все культуры в межличностном общении используют некие невысказанные, скрытые правила, которые важны для понимания происходящих событий и межличностного поведения. Культуры различаются своим «чтением контекста», использованием скрытой информации, которую заключает в себе каждая ситуация [5].

Монохронное использование времени означает, что действия осуществляются последовательно, одно за другим, в течение определенного времени, то есть время – это прямолинейный путь, который ведет из прошлого в будущее. Монохронное время разделяется на отрезки, т. е. все тщательно планируется для того, чтобы человек мог в любой отрезок времени сконцентрироваться на чем-либо. Представители монохронных культур приписывают времени вещественную стоимость, и оно часто измеряется деньгами: его можно потратить, сэкономить, потерять, наверстать, ускорить. Тем самым оно становится системой, с помощью которой поддерживается порядок в организации человеческой жизни.

Полихронное восприятие времени приводит к вовлеченности в несколько дел одновременно. В культурах полихронного типа большую роль играют межличностные, человеческие отношения, а общение с человеком рассматривается как более важное действие, чем принятый план действий. Поэтому представители полихронных культур более динамичны в обращении со временем. Пунктуальности и распорядку дня в этих культурах не придается большого значения. Таким образом, восприятие времени существенным образом влияет на различные аспекты поведения, формируются монохронные и полихронные типы личности.

Понимание времени как движения космоса относительно нашего пространства сместилось к пониманию времени как движению нашей души относительно нашего внутреннего психологического пространства, которое является нашим главным измерителем времени и пространства. Поэтому важное значение имеет также собственное время личности, в котором под воздействием указанных культурно-исторических факторов и индивидуальных особенностей жизненного пути образуется сложная взаимосвязь событий прошлого, настоящего и будущего. Собственное время личности интегрирует в себе как объективные временные отношения, так и субъективное отражение этих отношений в процессе восприятия изменений, оценки деятельности и последовательности событий, переживания отдельных свойств времени, формирование целостного отношения личности ко времени ее жизни.

Время как ценность – это человеческая конструкция, позволяющая эффективно распределять свою жизнь и деятельность. Время личности может умножаться, что связано с жизненным опытом, с развитием способностей и умений, повышающих скорость осуществления деятельности, с развитием особой способности к личностной организации времени жизни [6].

В психологии жизненного пути личности можно определять время через события (прошлые, настоящие, будущие) [7]. Объективные ситуации жизни, преломляясь через призму жизненных смыслов, преобразуются личностью в события жизни. Событием называют явление или действие, имеющее как психическую (ментальную, душевную) природу, так и природно-материальную основу (поступок, общественно-исторический факт). В этой логике событием можно считать «переживание» [8]. Значимое событие – отрефлексированное, сохранившееся в памяти и наделённое «насыщенным описанием» действие или случай, которые совершались, происходили (или созерцались как происходящие) на определённом отрезке пространства и времени жизни субъекта, в особенности если с ними было связано что-то важное для него [9].

Адекватное понимание человеком жизненной ситуации предполагает формирование представления о динамике развития этого фрагмента действительности – какие события ей предшествовали и что будет дальше, т. е. включение этой ситуации в определённый временной контекст (большой – от нескольких часов до нескольких дней и даже лет или меньший – здесь и сейчас). С другой стороны, различные компоненты ситуации могут рассматриваться в различных по величине временных отрезках. «В силу субъективности ситуации, она может затрагивать взаимодействие с человеком, находящимся сейчас перед нами, но также и с кем-то в прошлом или ожидаемом будущем и в каком-то ином месте» [10]. Результаты наших исследований [11] показывают, что на менее значимые компоненты ситуации «распространяется» меньший отрезок времени и они анализируются «здесь и сейчас». Значимые или главные ее элементы испытуемые пытаются описать как можно подробнее и включают их в больший интервал времени.

Таким образом, ситуация помогает воспринять определённый отрезок времени, соединяя при этом прошлое и настоящее, настоящее и будущее. Поэтому, несмотря на непрерывно меняющийся поток стимулов окружающего мира, его отражение имеет некоторую протяженность, субъективно как бы останавливая течение времени. Ситуация помогает «получить» настоящее, несмотря на то что настоящее представляет собой находящуюся в постоянном движении границу между прошлым (которого уже нет) и будущим (которого еще нет).

Наконец, ситуация – это и определение себя по отношению к этой ситуации в смысле выражения эмоционального и личностного отношения к происходящему. Таким образом, процесс личностного смыслообразования при-

водит к определенному, внутренне непротиворечивому преобразованию субъективных и объективных аспектов ситуации в единое целое. П. Е. Калинин отмечает, что «наиболее актуальным и перспективным направлением в данном контексте является стремление понять время из человека, <...> чтобы сам человек предстал как временно расположенное в бытии существе» [12 с.28].

Время — личная, экзистенциальная категория жизни любого человека. Осознавание клиентом «своего» времени может быть частью терапии. Как человек смотрит на время своей жизни? Как он его оценивает? В каких категориях его измеряет? В рамках психотерапии это дает возможность выйти в пространство созерцания и времени и пространства личной жизни. Временной кругозор характеризует способность человека организовывать воспоминания и предвосхищать будущее, расширяя тем самым свою временную перспективу. В. А. Петровский выделяет три вида пространств: «во мне», «вне меня» и «между нами». Все, что происходит с человеком, может происходить только в этих трех пространствах. Эти сферы так или иначе соприкасаются друг с другом, и личность существует в этих пространствах, конструируя смыслы и выстраивая события своей жизни. Эти три пространства образуют семь основных сфер (пространств) личности: 1) сфера «во мне — со мной» — сфера вневещного потенциально опыта; 2) «во мне — при мне» — сфера дорефлексивной чувственности; 3) «во мне — у меня» — сфера самопознания; 4) «мною и мне» — сфера действия; 5) «вне меня — у меня» — событийная сфера; 6) «вне меня — от меня» — сфера интроектов; 7) «вне меня — из-за меня» — персоносфера [13]. У каждого из этих семи пространств — свое время, то есть три виртуальные сферы генерируют еще семь подсфер, по которым мы «раскладываем» свой самый разный опыт: чувственный, физический — любой. Для эффективной психотерапии во времени и пространстве интерсубъективного воздействия терапевта и клиента должны быть развернуты все три пространственно-временных сферы клиента: «во мне», «вне меня» и «между нами».

Представление о времени является существенным фактором саморегуляции, мотивации и самооценки личности. Идея заключается в том, что детерминированность поведения человека прошлым или настоящим (выражающаяся в действии «потому что») лишает мотивационное стремление достаточной силы, вынуждая человека желать хотя бы сохранения достигнутого когда-то равновесия. Детерминированность будущим (действия «для того, чтобы») позволяет человеку желать того, что еще не было в его опыте, т. е. стремиться к идеалу, развитию и совершенствованию. Такое ожидание будущего («воображаемый мотив») может обеспечить усиление недостаточного побуждения для осуществления волевого действия, тогда как в первом случае влияние настоящего оказывается сильнее стремления к будущему и человеку неоткуда черпать силу воли для преодоления возникшего препятствия.

Так, в нашем небольшом пилотажном исследовании мы попытались понять, действительно ли это так, и получили довольно интересные результаты, требующие, на наш взгляд, дальнейшего осмысления. В исследовании приняли участие 72 человека, которые были разделены на 3 возрастные группы (молодежь – 18–23 года (I группа), люди зрелого возраста – 35–45 лет (II группа), люди пожилого возраста – 55–65 лет (III группа)). В основу исследования легла оригинальная проективная «Методика изучения временной саморегуляции, мотивации и самооценки личности» Е. Г. Ксенофоновой. Методическая процедура заключается в выявлении личностного смысла, который имеет для человека утверждение «Я не волшебник, я только учусь». При этом испытуемому предлагают:

1) выбрать главную, на его взгляд, половину утверждения, несущую основную смысл высказывания: «Я не волшебник» или «Я только учусь»;

2) распределить следующие высказывания на две группы – правильно или неправильно отражающие смысл основного высказывания:

- Волшебник не я
- Конечно, я волшебник, только у меня еще маловато опыта
- Я буду волшебником
- Я хочу быть волшебником
- Я учусь у волшебника
- Научиться быть волшебником невозможно
- Волшебником можно только родиться;

3) написать свой вариант толкования основ утверждения или сказать своими словами, как обследуемый понимает это высказывание.

В результате были получены следующие данные.

Во-первых, мы проанализировали выбор респондентов каждой возрастной группы одной из частей утверждения: I группа: «не волшебники» – 8 чел. (33 %), «учащиеся» – 16 чел. (66,7 %); II группа: «не волшебники» – 11 чел. (45,8 %), «учащиеся» – 13 чел. (54,2 %); III группа: «не волшебники» – 16 чел. (66,7 %), «учащиеся» – 8 чел. (33,3 %). Тем, кто делает акцент на утверждении «Я только учусь» (т. е. «учащимся»), свойственно одно или несколько таких качеств, как близость временной перспективы, уверенность в своем будущем, использование самовнушения («Чтобы быть волшебником, необходимо учиться»), спокойное разъяснение причин недостаточной удовлетворенности настоящим с верой в его улучшение, подчеркивание собственной мотивации («Я хочу учиться и стать волшебником»). Видно, что в I возрастной группе число «учащихся» вдвое преобладает над «не волшебниками». Следовательно, можно предполагать, что значительная часть представителей молодого поколения уверены в своем будущем, в своих силах, надеются в основном на себя, верят в улучшения в скором будущем и стараются делать все возможное для этого.

У представителей пожилого возраста (III группа) совершенно противоположная ситуация. Соотношение двух частей основного высказывания

вания распределилось обратным образом. В данной группе наблюдается явное преобладание «не волшебников», для которых характерны такие особенности, как отдаленность или нереальность перспектив, отрицание даже возможности определенного будущего (уверенность в его невозможности), отказ от собственной мотивации, от каких-либо дерзаний («Не каждому суждено быть волшебником»), использование отстраненных от себя и своей мотивации рассуждений («Каждый человек есть волшебник») и т. п.

В группе людей среднего возраста распределение категорий произошло следующим образом: респонденты разделились практически на две равные группы; среди них оказалось чуть больше «учащихся» (54,2 %) и чуть меньше половины «не волшебников» (45,8 %).

Таким образом, видно, как с возрастом уменьшается уверенность в будущем и преобладание собственной мотивации, снижается надежда на перемены, на изменения в лучшую сторону.

Во-вторых, нами были получены варианты предложений, правильно отражающих смысл высказывания «Я не волшебник, я только учусь», а также искажающих его смысл. Эти данные дают дополнительную, более глубокую, информацию. Так, согласие с первым, достаточно категоричным, по мнению Е. Г. Ксенофоновой, утверждением («Волшебник не я») может говорить о том, что в каких-то сферах своей жизни человек «поставил крест», и не только на своем настоящем, но и на будущем. В нашем случае согласившихся с этим утверждением в I группе – 2 чел. (8,3 %), во II и III группах – по 8 чел. (33,3 %).

Согласие со вторым и пятым утверждением, т. е. принятие себя («Я, конечно, волшебник...») и своей сферы общения («Я учусь у волшебника») говорит о чувстве потенциальных возможностей у респондентов. Ответ «неверно» (на второе высказывание: в I группе – 54,2 %, во II – 41,7 %, в III – 66,7 % респондентов; на пятое высказывание: в I группе – 50 %, во II – 66,7 %, в III – 62,5 %) показывает вероятную неудовлетворенность человека своим настоящим и отсутствие ожиданий какого-либо изменения в будущем.

Ответ «верно» на третье высказывание показывает веру человека в будущее (в I группе – 62,5 %, во II – 50 %, в III – 58,3 %), тогда как согласие с четвертым утверждением вскрывает стремление к его достижению. Например, с высказыванием «Я хочу быть волшебником» соглашаются по 18 чел. (75 %) в I и II группах, тогда как в III группе это всего лишь 6 чел., т. е. 25 % опрошенных. При этом, как правило, «учащиеся» чаще соглашаются с утверждением «Я хочу» и далеко не всегда согласны с «Я буду волшебником».

Два последних утверждения представляют собой единую фразу («Научиться быть волшебником невозможно», «Волшебником можно только родиться»), поэтому, как считает автор методики, следует обратить внимание на то, отнесены ли они к единой группе или разорваны на две. Наши данные подтверждают сведения о том, что большинство «учащихся» замечает их

логическую взаимосвязь и относит их к группе «неверных». Так, в I группе – это 83,3 % и 87,5 % (соответственно 6- и 7-му высказываниям), во II – по 70,8 %, в III – только по 25 % опрошенных. В какой-то степени последний результат по III группе подтверждает склонность «не волшебников» к особой логике рассуждений, ожидание каких-то ирреальных (не путем учения) способов овладения мастерством.

Кроме этого, с испытуемыми проводилась дополнительная беседа, в которой выяснялись их представления о жизни, о наиболее значимых событиях прошлого и желаемого будущего. Интересно, что наиболее упоминаемая категория – это будущее, которое понимается опрошенными как неопределенное, вызывающее беспокойство (35,4 %, 36,1 % и 43,7 % в каждой группе соответственно). Что касается построения планов на будущее, то у молодых они конкретнее и распространяются как на ближайшее время (окончание института, поездки, планы по работе), так и на далекую временную перспективу (свадьба, рождение ребенка, продвижение по службе и пр.); для пожилых людей наиболее характерно построение более реальных и конкретных планов на ближайшее время, а зачастую их отсутствие, т. е. жизнь в настоящем. С возрастом увеличивается построение планов «для других» – для детей, внуков и их благополучного будущего и соответственно уменьшается построение планов «для себя». При этом будущее зависит, по мнению испытуемых I и II групп, «от настоящего», «от себя» или «ситуации/ обстоятельств», тогда как III группа отмечает зависимость будущего «от прошлого» и возлагает «надежды на Бога и высшие силы» (41,2 %), что подтверждают вышеизложенные результаты.

Современные исследователи замечают симптомы неполадок с темпоральностью, резкий перелом, который характеризуется новым восприятием времени [14]. Особенностью нового восприятия времени, характерного для наших дней, является подавление настоящим двух других членов временной триады. Поглощение настоящим прошлого и будущего превращает настоящее в собственный самодостаточный горизонт и делает невозможным выход за его пределы «в другое время». Другая особенность нового восприятия времени – это распад связи времен, разрыв непосредственной преемственности между прошлым, настоящим и будущим. Идея прерывности времени, никогда раньше не воспринимавшаяся социальными науками всерьез, теперь стала предметом исследования.

Таким образом, мы можем заключить, что представление о времени – неотъемлемый компонент процесса регуляции социального поведения человека. В ходе исторического процесса оно изменяется, обрастает целым комплексом понятий, образов, становится важнейшим моментом мировоззрения эпохи, ее культуры. В различных исторических условиях меняется не только представление о времени, но и ощущение его длительности. Каждой культуре, каждому поколению присущ особый способ переживания, осмысления и осознания времени.

Ссылки

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 144–164.
2. Сапоровская М. В. Теория и практика исследования межпоколен-ной связи в семейном контексте [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 1(9). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.08.2021).
3. Шутценбергер А. А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. 256 с.
4. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 1999. 100 с.
5. Таратухина Ю. В., Цыганова Л. А., Ткаленко Д. Э. Межкультур-ная коммуникация в информационном обществе: учебное пособие / Нац. ис-след. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 255 с.
6. Кирьякова А. В. Ориентация личности в мире ценностей // Magister. 1998. № 4. С. 37–50.
7. Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю. Психология жизненных ситуаций. М., 1998. 327 с.
8. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологический возраст личности // Психологический журнал. 1983. №5. С. 57–65.
9. Сапогова Е. Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–74.
10. Корнилов Ю. К., Костерина Н. В., Черво Ю. Ю. Ситуация и время // Психология личности и время: тезисы докладов и выступлений на Все-союзной научной конференции. Черновцы: ЧГУ, 1991. Ч. 1. С. 81–83.
11. Трифонова С. А. Субъективная ситуация: содержание, формирование, способы построения: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 1999. 194 с.
12. Калинин П. Е. Пространственно-временное представление сознательной активности // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2013. № 33 (324), вып. 30. С. 16 - 29.
13. Петровский В. А. Семь пространств существования личности: формальные модели состоятельности // Мир психологии. 2009. № 1. С. 25–42.
14. Бодалев А. А. Общее и особенное в субъективном пространстве мира и факторы, которые их определяют // Мир психологии. 1999. № 4 (20). С. 26–29.